

МАТЕРИНСКАЯ ЛИНИЯ ГАЛЛЕИ ГАШЕК

ЭЛИЗА МАРИЯ ФУШАР

Родилась: Анноне, 1759
Умерла: Дижон, 1794

ЖАН СЕБАСТЬЕН
МОНБЕЛЬЯР

СИЛЬВИЯ МОНБЕЛЬЯР

Родилась: Анноне, 1785
Умерла: ?

МАРИАННА МЮЗЕ

Родилась: Дижон, 1794
Умерла: Зальцбург, 1818

ЛОИК ГЕЛЛЕК

МАРГЕРИТА МЮЗЕ

Родилась: Зальцбург, 1818
Умерла: Вена, 1837

РИХАРА ЛЕЙТНЕР

СОФИЯ ЛЕЙТНЕР

Родилась: Вена, 1835
Умерла: Лондон, 1875

ДЖОН ЛЕСТЕР

МАРГАРЕТ ЛЕСТЕР

Родилась: Лондон, 1854
Умерла: Бруклин, 1888

ОТТО ШМИАТ

РОЗА ШМИАТ

Родилась: Нью-Йорк, 1880
Умерла: Париж, 1910

МИЛОШ СЕЙФЕРТ

ЭСМЕ СЕЙФЕРТ

Родилась: Париж, 1901
Умерла: Прага, 1932

БЕРНАРД ДВОРЖАК

ФРАНЦИСКА ДВОРЖАК

Родилась: Прага, 1923
Умерла: Новая Вышня, 1952

ЯРОСЛАВ НЕМЦОВ

КАТАРИНА НЕМЦОВА

Родилась: Новая Вышня, 1952
Умерла: Ливерпуль, 2022

МИААН ГАШЕК

КЕЙ ГАШЕК

Родилась: Анноне, 1986
Умерла: Ливерпуль, 2043

?

ГАЛЛЕЯ ГАШЕК

Родилась: Ливерпуль, 2016

Посвящается Оли и Тео

ПРОЛОГ

1759 год

Ночь, не освещенная свечами. Ночь, полная звезд. Мужчина стоит на склоне холма, когда замечает комету, низко на горизонте, бледнейшим мазком света на фоне пустого черного неба. Вот она, мелькнула на секунду. И пропала. Плод его воображения, возможно, в той же степени, что и вселенной.

Сердце начинает биться чаще. Мужчина склоняется над телескопом, шурится в темноте, придвигаясь к стеклу близко-близко, касаясь его ресницами.

Где она? Исчезла? Он отрывается от телескопа и оглядывает небо. Вот же она! Белая вспышка между созвездиями Ближнецов и Большой Медведицы. Он поворачивает устройство и снова смотрит в его окуляр.

— Sacrebleu!*

Он говорит шепотом, когда подзывает женщину, словно боясь спугнуть объект громкостью своей речи.

— Смотри. — Его голос выдает волнение. — Комета — в точности так, как было предсказано.

Она склоняет лицо к телескопу.

— Видишь ее?

В зимнем воздухе он слышит ее тихое дыхание.

— Это Гелиос, — говорит она, — бог афинян и римлян.

— Именно.

* Святые угодники! (фр.) — Здесь и далее примечания переводчика.

— Когда в древние времена люди становились свидетелями подобного явления, они говорили: «Это Гелиос проезжает по небу в своей огненной колеснице».

— Но мы умнее, — говорит он и дует в ладони, отгоняя холод. — Мы современные люди. Мы понимаем законы математики, направляющие этого небесного гонца в его бесконечном путешествии. — Его осеняет внезапная мысль. — Как знать, возможно, если наш ребенок проживет долгую жизнь, он еще увидит ее возвращение.

— Может, тогда, если у нас родится сын, ты назовешь его Гелиосом?

— Это было бы редкое имя, — отзывается мужчина. — Имя, уместное для звездного сына.

Вся вселенная сжалась до размеров маленького темного круга на дальнем конце телескопа, и в этом круге виднелось перышко яркого света, похожее на шепотку мягчайшего пуха из-под крыла горлицы.

— Посланица огня из далекого мира, — говорит он ей. — Какие будущности может она предвещать?

— Будущности? — переспрашивает женщина.

— Их будет множество. Каждый раз, пролетая над нами, она будет видеть, как меняется мир.

Женщина моргает. Она слегка пошатывается, словно от испуга. Теряет равновесие, и телескоп, качнувшись, падает в сторону. Она хватается за живот, берет мужа за руку и прижимает его ладонь к своему чреву.

— Что-то разбудило его — он толкается, — говорит мужчина. Его глаза сияют.

Женщина улыбается в ответ.

— Как знать, может, это... она.

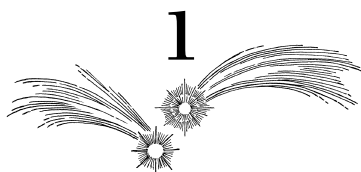
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КАТИН ДАР

Ни о чем я не могу говорить с доподлинной уверенностью, но только при виде звезд мне хочется мечтать.

Винсент Ван Гог

КАТЯ

1952 год

В ночь, когда родилась Катарина Немцова, с неба лило, как во время Великого Потопа. Река Татшаньска вышла из берегов, и лавина слякоти и речного мусора бурным потоком растеклась по дороге, ведущей к ферме Немцовых. Велосипед повитухи намертво увяз в сели на вершине тропы, которая тянулась вдоль долины реки к деревне Новая Вышня, и женщина, не пожелав тащиться через потоп пешком даже ради появления младенца на свет, принялась со всех сил жать на звоночек, оповещая о своем прибытии. Отец ребенка, Ярослав, выбежал ей навстречу, не успев даже обуться, взвалил себе за плечо, будто куль с зерном, и по топкой дороге понес обратно в дом, держа поверх головы прихваченный с собой кусок клеенки, защищавший обоих от дождя.

Уже четырнадцать часов мать Катаринины не могла разрешиться от бремени. Уже тридцать часов она не смыкала глаз. Силы покидали ее. В глазах лопались кровеносные сосуды.

— Что вас так задержало? — спросил Ярослав у повитухи.

— Близнецы в Старой Лесне, — отвечала акушерка, — ливень в Попраде и мертворожденный в Высоких Татрах.

Час спустя или немногим позже, когда маленькая Катарина (с того дня девочку называли не иначе как Катей) появилась на свет — букашка, а не младенец, крохотная, синюшная, недоношенная, скользкая от секрета и крови, — ее мать Франциска скончалась. Когда маленькая Катя совершила свой

первый вздох, ее мать испустила свой последний — вдох и выдох, слаженные, как движение мехов аккордеона. Одна душа отлетела, а другая обратила утрату в вопль, взывая к богам.

Начиная с ноября месяца, в предгорьях Татр вместе с дождем часто шел снег. Местные скажут, что зимой 1952 года вместе с дождем с неба лились слезы. В деревне не было семьи, хотя бы один член которой не присутствовал на похоронах Франциски Немцовой, и погост на склоне холма за белой церквушкой, где провожали в последний путь молодую женщину, оглашали неслыханные доселе рыдания. Утром в день похорон Кристоф, тесть Франциски и дедушка маленькой Кати, поскользнулся на льду, упал на булыжники, ударился головой и пришел на погребение с разбитым лбом, перевязанным окровавленными бинтами. Шесть подруг покойной, озябшие в черно-белых студенческих формах академии в Штрбске-Плесо, стояли на фоне заснеженных гор и тянули заунывный погребальный мотив, поначалу тихо, будто шепотом, но постепенно набирая силу. Женщины плакали. Люди, облаченные в серые пальто, толпились вокруг могилы и держали друг друга за руки, вполголоса вторя песнопениям девушек. Их было так много, что опоздавшим приходилось выстраиваться вдоль церковной стены у обочины и прятаться от дождя под кронами дубов.

Снег пошел, когда гроб опускали в землю.

У края могилы, неподвижный, как статуя, стоял отец маленькой Кати. Он был одет в ту же черную шинель, какую носил еще его дед, когда вернулся с войны в 1918 году; даже лишенная всех знаков отличия и орденов, выцветшая от многолетней носки, она придавала Ярославу военную выправку. Над могильной ямой махал кадилом священник с вытянутым лицом и густыми бровями — брат Ярослава Павел. Когда все слова были сказаны и толпа двинулась вперед, чтобы бросить на гроб горсть земли, Павел опустил руку брату на плечо.

Пум. Пум. Почва в Татрах была каменистая. Земля шрапнелью сыпалась на крышку гроба.

— Она прожила здесь всего девять лет, — сказал священник, — но вся деревня души в ней не чаяла.

— Это и вправду так.

Скорбящие отряхивали с перчаток холодную землю и выстраивались в очередь, чтобы выразить свои соболезнования, в ожидании выдувая изо рта облака пара.

— Нам так жаль, — говорили они, и каждый пожимал Ярославу руку, а некоторые даже целовали его в щеку.

— Нам будет ее не хватать, — говорили другие.

— Господь благословит ее дочь, — говорили многие.

Женщина, сторбленная под тяжестью прожитых лет, пряча лицо за теплой черной шалью, обхватила руку Ярослава своей.

— У девочки есть дар? — спросила она булькающим от хрипотцы голосом.

— Ей всего пять дней от роду, — отвечал отец Кати. Его глаза покраснели от мороза и слез. — Откуда нам знать? Это останется загадкой на ближайшую дюжину лет, если не больше.

— А глаза, сияют ли ее глаза?

— Да, сияют.

Старуха поцеловала Ярославу руки.

— Значит, дар есть, — сказала она.

— Возможно, — согласился Ярослав, целуя старуху в ответ.

— Я буду молиться об этом.

— Не стоит. Франциске это не принесло счастья.

— А я все равно помолюсь. И тогда она вернется. — Старуха отпустила его руки.

Священник взял женщину за плечи.

— Верушка-Мария, что же вы стоите на таком морозе? Поберегли бы здоровье. — Он повел ее прочь, и свежевывавший снег захрустел у нее под ногами.

К тому времени, когда траурная очередь почти рассосалась, снег уже валил с неба хлопьями размером с бутоны роз.

— Пойдемте в церковь, — сказал священник. — Нам всем нужно согреться.

— Неправильно ее так хоронить, — проворчал фермер из Старого Смоковца. Под пальто он был одет в синюю спецовку, в которой доил коров в колхозе. — Вся эта... — он досадливо взмахнул рукой, — вся эта религия. Эти песнопения. Это антикоммунистично.

— Ее семья была с запада. Она бы сама этого хотела, — ответил ему Ярослав, хмуря нависшие над глазами брови.

— Ну, у нее уж теперь не спросишь.

Мужчина без шапки, с лиловеющими на морозе кончиками ушей, прошептал что-то Ярославу на ухо, так тихо, что тому пришлось наклониться поближе, чтобы расслышать.

— Правда, что она была в Лидице*? — спросил мужчина.

Он кивнул, чуть склонив голову.

— Была. — Ответ тоже прозвучал шепотом.

— Как она выжила?

— Божьей милостью, — сказал Ярослав. — Божьей милостью и несгибаемой волей.

ГАЗ-М20, русский автомобиль, напоминавший тучного таракана, был припаркован в самом начале улицы, но ближе не подъезжал из-за риска увязнуть в сугробах. За рулем сидел толстомордый мужчина в шапке-буденовке и с каменным лицом наблюдал за похоронами, не выходя из машины и не выключая двигатель.

* Лидице — шахтерский поселок в Чехии. 9 июня 1942 г. деревня была взята в окружение офицерами немецкой полиции и чешской жандармерии по указу СС и пражской полиции, которые подозревали, что в Лидице могут скрываться заговорщики, организовавшие покушение и убийство Рейнхарда Гейдриха, протектора Богемии и Моравии. Мужское население деревни было расстреляно, женщины — отправлены в концентрационные лагеря, большинство детей — убиты в газовых камерах. Деревня была сожжена дотла.

— Погляди, — Кристоф кивнул на мужчину в «газели», обращаясь к священнику. — НКВД, — процедил он и сплюнул в снег. — Русская тайная полиция. Боятся, что Франциска могла быть шпионкой. Кто-то им про нее рассказал. Только чего они теперь-то ждут, от покойницы?

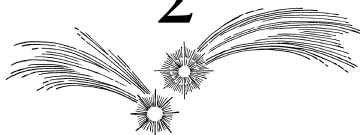
Из колхоза приехал трактор, чтобы расчистить снег, но его колеса оставили за собой рыхлое серое месиво, и траурная процессия осторожно пробиралась через грязный снег и слякоть, поднимаясь к церкви по скользкому склону холма. Сестра Ярослава Марта шла в неудобных туфлях на высоком каблуке, с Катей на руках, укутанной в кипу одеял, из-под которых выглядывали только глаза девочки. В тепле костела всем сразу захотелось посмотреть на малютку, но Марта была неумолима.

— Она спит, — отказывала Марта едва ли не каждому, кто наклонялся слишком близко, пытаясь ее разглядеть.

Прошло около часа, когда девочка наконец открыла глаза и заплакала. Крик новорожденной крохи, похожий на вопль дикой птицы, разнесся по церкви, и все разговоры стихли.

— Это Франциска, — объявила Верушка-Мария тяжким от старости голосом, и многие головы повернулись в ее сторону. — Маленькая Франциска переродилась. Я узнаю ее голос, — добавила она. — Я бы узнала ее где угодно.

2

КАТЯ

1965 год

Зима в этом году выдалась тяжелой. Даже в апреле в предгорьях Татр все еще лежал снег. Промерзшая луговая почва, которая была твердой как цемент последние четыре месяца, с наступлением весенней оттепели размякла и теперь напоминала болото.

— Кажется, я начала видеть мамины сны, — сказала Катя отцу. — Они снятся мне уже месяц.

Они отогревали шланги доильного аппарата паром из железного чайника. Аппарат был новшеством на их маленькой ферме.

— Содержи доильные чашки в чистоте, и коровы не подцепят никакую заразу, — наставлял Ярослав дочку. Этот урок вдолбило ему правление колхоза, когда аппарат еще только установили. Но шланги в холодном хлеву замерзали, оборудование выходило из строя, и Ярослав задавался вопросом, была ли механизированная доилка проклятием или благословением.

— Ты уверена, что это именно ее сны? — спросил отец, хотя сам знал ответ.

— Прошлой ночью мне приснился Париж.

— Откуда ты знаешь, что это был Париж?

— Просто знаю. Я видела бал с господами и дамами в масках и красивых платьях. Карету, запряженную дюжиной белых лошадей. Двух мужчин, паривших высоко в облаках на голубом с золотом воздушном шаре.

Ярослав отвернулся. Он сосредоточенно наматывал резиновый шланг на катушку. Когда он проворачивал ее железную рукоятку, шланг извивался ленивой змеей.

— Да, это сны твоей матери, — произнес он через некоторое время. Он отложил катушку и взял дочку за руку. В его глазах читалась печаль. — Так что, видимо, ты права. Твоя мама предупреждала меня об этом, задолго до твоего рождения. Она говорила, что если у нас родится дочь, то рано или поздно она начнет видеть такие сны. Я надеялся, что этого не произойдет. Не все сны будут такими красочными.

— Я знаю, что они мамины, потому что я помню их, — сказала Катя. Она подцепила со лба прядь волос и стала наматывать ее на палец, сначала в одном, а затем в другом направлении. — Я знаю, как ощущаются настоящие сны, но эти совсем другие. Настоящие улетучиваются из памяти еще до того, как я встану с постели. Что мне снилось? К завтраку я ни за что не отвечу. Но эти — эти сны не забыть. Они — часть меня. Они остаются со мной. словно это я прошлой ночью была на балу с прекрасными дамами и золотым воздушным шаром. словно все это случилось в моем прошлом.

— Я знаю, — тихо сказал Ярослав.

— В этих воспоминаниях все такое... отчетливое, — продолжала Катя. — Кажется, я бы узнала лица этих людей, если бы увидела их на улице. Я знаю их имена. Их голоса. Знаю, что мужчины носили парики с завитыми локонами. У мсье Филиппа была острая, как стрела, борода и...

— Ты понимаешь их язык? — спросил Ярослав.

— Их язык?

— Язык, на котором говорили люди во сне? Tu parles français?*

Девочка задумалась.

— Я не знаю. — Она выглядела растерянной. — Наверное, что-то понимала, иначе... как бы я разобралась во всем, что происходило вокруг?

* Ты говоришь по-французски? (фр.)